

TV СЕРИАЛ
ЖУРНАЛИСТКА

Светлана Алешкина

*Интервью
сквозь замочную
скважину*

ЭКСМО

TV журналистка

Светлана Алешина

**Интервью сквозь
замочную скважину**

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Интервью сквозь замочную скважину / С. Алешина — «Научная книга», 2002 — (TV журналистка)

Ведущая программы областного ТВ «Женское счастье» Ирина Лебедева вместе со своей бригадой, режиссером, редактором и оператором становится свидетельницей жестокого преступления. Приехав в цирк снимать очередную передачу, Ирина и ее коллеги видят, как от страшного взрыва погибает молодая актриса Камилла Маранелли. Кто повинен в смерти кокетливой женщины? Ревнивый муж? Или старшая сестра Маргарита, которая завидовала бешеному успеху Камиллы? Или супруг Маргариты, возглавляющий их цирковую группу?.. Молодая журналистка, вопреки нежеланию руководителей телецентра, начинает собственное расследование убийства. И сразу же слышит от одной из коллег покойной: «Мотив был у каждого второго»...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Светлана Алешина

Интервью сквозь замочную скважину

Глава 1

Меня разбудил голос Пласидо Доминго. Он пел «Застольную» из «Травиаты». Глаза я открывать не стала, лежала не шевелясь и наслаждалась. Если ничто не помешает, то потом будет ария Хосе. Увы, до «Кармен» дело, как всегда, не дошло, рядом завозился Володя.

– Иринка, я разобью эту бандуру, – хриплым со сна голосом пригрозил он. – Почему я должен с утра слушать кошачий концерт?

Я дотянулась до пульта, сделала потише, но грозный муж уже сел на кровати и с упреком посмотрел на меня:

– Мне сегодня к третьей паре! Я мог бы спать еще...

– Ничего подобного. На столе лежит целая пачка контрольных, Белоусов принес. Так что сейчас ты в любом случае встаешь и начинаешь зарабатывать деньги.

– Хоть умыться-то можно? – обреченно спросил Володя.

– Можешь даже позавтракать. Но Белоусов сказал, что все контрольные ты должен сделать сегодня, вечером он заберет. Тогда будет доплата за срочность.

– Доплата – это хорошо, – муж сбросил одеяло и потянулся. – Хорошо, что есть балбесы, хоть какой-то заработок...

«Да, хорошо, что есть балбесы, – думала я, разбивая яйца на сковородку, – и хорошо, что есть Виталька Белоусов, который умеет с ними договариваться и брать деньги за решенные контрольные».

Увы, у моего супруга эта полезная способность отсутствует начисто. Он тихо дожидается, когда государство выплатит ему положенное и.о. доцента мизерное жалованье, и даже не в состоянии сам найти дополнительный заработок. К счастью, гораздо более энергичный Виталька, с которым Володя в свое время учился на химфаке в одной группе, завел себе клиентуру среди студентов-двоечников, столь обширную, что перестал справляться сам. Тогда он и пришел к нам с деловым предложением. К нам, потому что с одним Володей говорить на эту тему было бесполезно, потребовался мой нажим, чтобы он согласился.

Зато теперь механизм отлажен, как часы. Виталька регулярно подтаскивает контрольные, курсовые, а в сезон – и дипломные работы, сделанные забирает и, отстегнув себе божеский процент комиссионных, передает Володе заработанные деньги. Как он там договаривается со студентами, какие цены назначает и каким образом происходит обмен сделанных работ на дензнаки, Володя не знает и знать не хочет. Ну что ж, хоть таким образом муж вносит свой вклад в семейный бюджет. Хотя все равно, надо признать, вклад довольно скромный. По крайней мере музыкальный центр «Панасоник» на три диска, который будит нас теперь по утрам, я покупала на свои заработки.

– Я посмотрел, там первый курс, ерунда, – Володя присоединился ко мне на кухне. – За утро сделаю. Ты сегодня как планируешь управиться?

– Понятия не имею, – пробурчала я с набитым ртом. – Сначала поедem в цирк, поснимем, потом посмотреть надо будет, прикинуть, что возьмем.

– Это ты за семейку фокусников взялась наконец?

– Ага. Только они себя называют не фокусниками, а иллюзионистами. А что, ты хочешь посмотреть?

– Не-а. Не люблю фокусников, даже если они, как ты говоришь, иллюзионисты. Знаешь, что тебя обманывают, а вынужден сидеть дурак дураком, да еще удовольствие получать. По мне, лучше воздушные гимнасты и всякие акробаты, там хоть без жульничества.

– Интересная постановка вопроса. Может, придеешь на передачу, выскажешься?

– Это еще зачем? Думаешь, смогу убедить фокусника пойти в акробаты?

Я фыркнула, представив себе, как Володя, обстоятельно и серьезно, внушает народному артисту России Рудольфу Маранелли, что дурить доверчивых зрителей – дело неблагородное и не достойное приличного артиста.

– Ладно, мне пора бежать, – сделав последний глоток кофе, я встала из-за стола. Поставила грязную тарелку и чашку в раковину, чмокнула мужа в макушку. – Посуду помоешь?

– А куда я денусь? – меланхолично отозвался он.

* * *

Я пошла через парк. Рабочий день у меня, можно сказать, начался. Потому что, привычно шагая по тенистым аллеям и рассеянно наблюдая за кружащимися в воздухе желтыми листьями, я думала про семью Маранелли. Забавные они люди, циркачи. Фамилии себе придумывают почуднее, имена... И что ни номер, то семья. Выкатывает на арену полтора десятка человек на велосипедах – нормально, семья. Впрочем, эти фокусники действительно родственники. Две семейные пары – сам мэтр, иллюзионист Рудольф, и техник женаты на ассистентках номера – сестрах Маргите и Камилле. А имя нормальное только у техника, Николай. Когда мы разговаривали, он объяснил весело:

– Мне и Николаем можно быть, я же на арену вовсе не выхожу. Мое дело техническую сторону обеспечить.

Собственно, героинями передачи должны стать как раз сестры, все-таки программа моя называется «Женское счастье», а уж Рудольф с Николаем пойдут как бесплатное приложение. Как атрибут счастья цирковых артисток Маргиты и Камиллы Маранелли. Интересно, какова реальная роль этих сестричек в номере? Просто «девочки в блестящих юбочках», чтобы отвлечь зрителя? Или от их работы действительно что-то зависит? Кстати, на передаче наверняка кто-нибудь задаст вопрос, не мечтали ли они сделать собственный номер, к этому их тоже надо подготовить...

Без десяти девять я была на проходной. Вытащила пропуск, продемонстрировала его как положено, в развернутом виде, хмурому пареньку в камуфляже. Вот она я, по-прежнему Ирина Анатольевна Лебедева, двадцати семи лет, старший редактор Тарасовской студии телевидения. То, что я – та самая Лебедева, ведущая суперпопулярной в нашей губернии программы, в пропуске, конечно, не написано, но мог бы и сам знать. Охранник, похоже, не знал. Он сверил фотографию с физиономией, которую я ему добросовестно продемонстрировала, и молча кивнул, никак не реагируя на мою доброжелательную улыбку. Может, у него зуб болит?

Ладно, не хочет меня узнавать и не надо. За это не дам ему автограф. Я быстро миновала ухоженный дворик – технические службы работают у нас прекрасно, – асфальт с утра выметен, только что политый газон искрится мокрой травой, на мелких клумбочках ни одного сорняка, только цветочки, пусть и незатейливые, по случаю осени уже отцветающие, но все равно очень милые, – и вошла в здание собственно телецентра.

Обменялась утренними любезностями с Натальей Михайловной, она у нас при ключах. Глянула на пустой гвоздик под номером нашего кабинета – естественно, Лера уже пришла. Она работает у нас второй год и ни разу не то что не опоздала, не пришла меньше чем за пятнадцать минут до начала рабочего дня.

Уникальное создание. Помощник режиссера Лера Казаринова – самая молодая в группе, недавно ей исполнилось двадцать. Она учится заочно в университете на каком-то экзотическом

факультете – не то социальной политологии, не то политической социологии, – но будущее свое связывает исключительно с телевидением. Мечтает, мне кажется, о собственной программе: «Что-нибудь эдакое, позаковыристее, с Валерией Казариновой!» Красавицей, в классическом смысле слова, ее назвать нельзя, но статная фигура и симпатичная мордашка, с румяными, еще не утратившими детской пухлости щеками, и огромные серые глазищи производят на всех студийных мужиков потрясающее впечатление. Между прочим, я тоже неплохо котируюсь и вообще человек с некоторым весом в обществе, но то, что для меня сделают из уважения и с намеком на ожидание ответной любезности, Лера получит только за один взмах ресниц.

Я поднялась на второй этаж. Кабинет был открыт, но, к моему недоумению, Казариновой там не было. Еще больше я удивилась, обнаружив развалившегося в кресле, мирно дремлющего Павлика.

Павлик – это оператор, прекрасный, но фантастически ленивый. Заставить его работать можно только пинками. Никто не знает, сколько ему лет – возраст свой он скрывает, словно красна девица, – но не больше двадцати четырех. Наверное, чтобы скрыть свою несомненную молодость, он отпустил бороду, густую и неухоженную, скрывающую почти все его лицо. Впрочем, у Леры свое объяснение. Она утверждает, что Павлику просто лень бриться. Вполне возможно.

– Ты что здесь делаешь? – Пожалуй, тон мой был не слишком любезным.

– Сiju, – он даже не соизволил открыть глаза. – Опытным путем я выяснил, что это кресло как минимум второе по удобству на студии.

– А первое где? – не удержалась я.

– У председателя в приемной. Но оттуда Анастасия Дмитриевна выгоняет.

Да, нрав у секретарши председателя нашей телекомпании был вполне... секретарский. Она бы ни за что не позволила Павлику обосноваться вот так в своих владениях.

– А куда Лера подевалась?

– Пошла чернослив мыть.

– А-а. Понятно.

Лера очень заботилась о своем здоровье. Она постоянно занималась какими-то особыми целебными гимнастическими упражнениями, категорически отказывалась принимать алкоголь, даже в малых дозах, и питалась по определенной системе. Правда, системы со временем менялись. Этап раздельного питания закончился примерно полгода назад, и теперь Казаринова была сторонницей вегетарианства и сыроедения. Она почти все время грызла какие-то орешки, жевала курагу, изюм и чернослив, а на обед приносила себе в баночке мед, смешанный с лимоном, который запивала минеральной водой без газа. Павлик беззастенчиво воровал у нее все эти лакомства, декламируя при этом детский стишок: «Если от многого взять немножко, то это не грабеж, а просто дележка...» Лера бесилась и устраивала ему скандалы, а мы с Галиной Сергеевной вынужденно развлекались.

Галина Сергеевна – четвертый член группы, работающей над программой «Женское счастье», режиссер. Вот угадать ее возраст еще сложнее, чем Павлика. Правда, несколько лет назад, когда я уже работала на студии, а Леры с Павликом еще не было, общественность раскрутила ее на празднование юбилея. Тогда Галина Сергеевна согласилась считать, что ей сорок. С тех пор сорок ей так и осталось. Хотя время от времени она вспоминала о каких-нибудь событиях и людях, с которыми работала на студии больше тридцати лет назад, но никого настолько не деликатного, чтобы ловить Галину Сергеевну на этих маленьких неточностях, в ее окружении не было.

Собственно я, Галина Сергеевна, Лера и Павлик – вот и все. Разумеется, в конечном итоге над передачей работает гораздо больше народу, но основной костяк «Женского счастья» – это мы, четверо.

У Павлика как у оператора имеется, впрочем, свое начальство, которому иногда удается отправить его на съемки с другим редактором и другим режиссером. Но сам он искренне считает себя членом нашей группы и каждую свободную минуту проводит здесь, в двадцать четвертой комнате. Похоже, правда, что влечет его сюда не преданность работе, а мягкое кресло.

Вернулась Лера, вся такая деловая и собранная. Прямые светлые волосы собраны в хвостик и удерживаются большой заколкой, отделанной бисерными розочками. Забавно, одевается она всегда очень просто, я ее, кроме как в джинсах и водолазке, вообще больше ни в чем не видела, а вот заколки меняет каждый день. И всегда это что-нибудь крупное, монументальное. Особенно мне, помню, понравилась тайваньская, из фальшивого розового жемчуга. И еще одна, украшенная крохотными зеркалами. Стоило Лере пошевелиться, как по всему кабинету начинали скакать солнечные зайчики. Очень милая была вещица.

Лера поздоровалась, присела на край стола, болтая ногой, поставила рядом блюдечко с черносливом. Павлик приоткрыл один глаз, оценил расстояние, понял, что не дотянется, и снова сделал вид, что задремал.

– Выжидает, – кивнула она в его сторону. – А вот фиг ему! Знаете, Ирина, это не человек, это ходячий желудок какой-то!

Ага, сегодня я «Ирина», нормально, рабочее состояние. Настроение Леры я определяла элементарно просто. Если она называла меня «Ирина Анатольевна» и сопровождала это холодным блеском серых глаз, то лучше всего было держаться от нее подальше, поскольку это означало, что помощник режиссера в крайнем раздражении. Просто «Ирина» и на «вы», как уже было сказано, все в порядке. И только несколько раз за время нашей совместной работы Лера называла меня Ирочкой и говорила «ты». Обычно это было после особенно удачных передач.

Самое интересное, что индикатором могла служить только я. Манера обращения к остальным сослуживцам, насколько я могла заметить, от настроения у нее не зависела.

– Шеф в курсе, что мы Маранелли приглашаем, и очень доволен, – сообщила Лера. Шефом за глаза, естественно, мы называли заместителя председателя по телевидению, Евгения Ивановича Кошелева, наше начальство. – Он внуков в цирк водил, видел их выступление. С цирковыми я договорилась, они нам сегодня на репетиции свой номер покажут, можно будет записать все аккуратненько. Какие нужно моменты, повторят, с удовольствием. Зрителей потом подмонтируем, я уже проверила, этого добра у нас полно.

– Когда едем?

– К двенадцати. Можно было раньше, но я побоялась, Галина Сергеевна опоздать может, – она выразительно посмотрела на часы.

– Может, – согласилась я. Галина Сергеевна опаздывала всегда и везде. С ее особенностью никто уже не пытался бороться, просто все учитывали ее в своих планах.

– Машину еле выбила, – продолжала докладывать Лера. – То есть Андрей Юрьич давал, но Ганеева. А с ним разве можно дело иметь? Я Шилова выпросила, он и подождет, если нужно, и поможет всегда. Андрей Юрьич не соглашался, говорил, что уже в район ему путевку выписал, но Костя, как только услышал, что Лебедевой машина нужна, сразу все как-то устроил.

Я вздохнула. Костя Шилов, здоровенный парень с лицом и фигурой Дольфа Лундгрена, после службы в армии устроился к нам на студию шофером. По натуре молчаливый, он никому не рассказывал о своих армейских подвигах, но слухи ходили самые невероятные – про какие-то суперэлитные спецназовские войска, про горячие точки, про два ордена «За личное мужество»... Ходили по студии и другие слухи, вовсе меня не радовавшие. Смысл их в том, что, увидев однажды Ирочку Лебедеву, Костя с первого взгляда безнадежно влюбился и ради одного ее взгляда теперь готов... ну, на что там обычно готовы безнадежно влюбленные?

Не знаю, я лично ничего такого не замечала – Костя никогда не навязывался и чувств своих не демонстрировал. Хотя вру, конечно, что значит не замечала? В конце концов, я женщина, к тому же живая и вовсе не безмозглая. Просто я замужем, у меня хорошая крепкая

семья, и зачем мне эти осложнения в личной жизни? Вот и предпочитала держаться так, словно ничего не происходит. Тем более что Костю это, похоже, вполне устраивало.

Лера, как всегда, когда речь заходила о Шилове, выразительно таращилась на меня, а я, как всегда, безразлично кивнула:

– Хорошо.

В коридоре раздался дробный стук каблучков, и в комнату влетела Галина Сергеевна.

– Я не опоздала?

Я невольно залюбовалась ею. До чего же красивые люди работают у нас на студии! Лера, я... и Галина Сергеевна просто восхитительна при всей неопределенности своего возраста. Эффектная короткая стрижка, помада идеально подходит по тону к блузке, быстрые, уверенные движения. А то, что фигура уже не отличается девичьей стройностью и морщинки собрались у глаз, так это делает ее только еще более обаятельной.

– Нормально, – отозвался Павлик. – Раньше половины двенадцатого нет смысла ехать.

– Прекрасно! Лерочка, брысь со стола, когда я тебя только к порядку приучу? Так, давайте еще раз планчик прикинем. Ирина, ты с кем будешь разговаривать?

– Думаю, со всеми понемножку надо. А заготовок наделаем, кто знает, как потом в студии разговор пойдет.

– Может, поймать кого-то из тех, кто там будет крутиться? – предложила Лера. – Спросить про впечатление?

– На месте посмотрим, как пойдет.

Мы еще немного пообсуждали, потом Лера скомандовала:

– Пора!

Павлика вытряхнули из кресла, и вся наша группа бодро выкатилась во двор, где уже ждал Костя Шилов с машиной. До чего же он все-таки здоровый! Даже высокий Павлик смотрит рядом с ним словно хилый подросток. Галину Сергеевну Костя галантно усадил на переднее сиденье, мы вдвоем втиснулись на заднее.

Когда подъехали к цирку, Шилов неуверенно – хотя эта сцена повторялась настолько часто, что стала традиционной, – спросил у меня:

– Ирина Анатольевна, может, мне с вами? Мало ли что понадобится...

– Конечно, – кивнула я, проигнорировав слишком уж всепонимающую улыбку Галины Сергеевны, и пошла вперед. Она задержалась, размахивая руками и объясняя Павлику, с какой точки надо будет снять потом площадь перед цирком и вход. Оператор кивал, слушая ее, а Костя терпеливо стоял рядом, он всегда шел замыкающим.

Лера топала за моей спиной и тихо, так, чтобы слышала только я, монотонно бормотала:

– Конечно, мало ли что в цирке может случиться, вдруг тигры из клетки вырвутся, тогда доблестный Шилов Ирину Анатольевну спасет от гибели неминуемой...

– Язва, – шепнула я, не оборачиваясь.

Она захихикала:

– Это я от зависти. Павлик, паразит такой, комара от меня не отгонит в случае чего.

– Можно подумать, он тебе так нужен, этот Павлик. Он и от себя комара отгонять не станет.

– Это точно...

Мне показалось, или она действительно вздохнула?

Галина Сергеевна с Павликом и Костя нагнали нас уже около арены. Странно, я думала, в цирке даже днем полно народа, а здесь... Нет, совсем пустым его назвать было нельзя – по фойе и среди кресел в зале бродили люди, одетые самым непредсказуемым образом: от строгого костюма-тройки до усыпанных блестками плавок или, как промежуточный вариант, в затертый махровый халат без пояса; носилась с воплями какая-то цирковая мелюзга. Арена тоже не простаивала, акробаты в линялых трико крутили сальто, а чуть в стороне от них трудился чудо-

силач со своими гириями. Но и все они вместе не могли создать впечатления толпы в огромном помещении цирка, терялись в сумраке, даже звуки, доносящиеся до меня, были неестественно глухими.

Впрочем, рычание тигра или льва – не так хорошо я в них разбираюсь, чтобы на слух отличить, – но что-то явно крупнее кошки прозвучало довольно убедительно. Я даже оглянулась машинально по сторонам: где там Костя, который в случае чего готов меня спасти из лап хищников?

Шилова я не увидела, но обратила внимание на забавную пару, устроившуюся левее меня, у первого ряда кресел. Пожилой мужчина, присев на корточки, очень серьезно что-то втолковывал маленькой мохнатой собачке. Собачка слушала его, приподняв одно ухо, потом коротко твякнула и встала на задние лапы. Мордочка у зверюги была хитрющая. Я подавила неуместное желание заплодировать.

Лера тем временем умчалась куда-то и через минуту вернулась с сестрами Маранелли. Почти одного роста, с одинаковыми белокурыми кудряшками и в одинаковых же костюмах – что-то вроде купальников, но с воротничками, пышными юбочками и газовыми рукавами, все нежно-розовое и в блестках, – сестры выглядели очень мило. Маргита поздоровалась со всеми общим кивком, а Камилла рассыпала целый каскад улыбок и воздушных поцелуев. Павлик опустил камеру и посмотрел на нее с некоторой заинтересованностью. Любопытно, а какотреагировал Шилов? Я снова оглянулась, но его рядом не было. Ну и ладно, в конце концов, он не ребенок, чтобы я о нем беспокоилась. Не заблудится.

Павлик неожиданно вскрикнул. Оказывается, Лера, пропуская Галину Сергеевну, неудачно шагнула в сторону и наступила ему на ногу.

– Ой, извини! – сделала она большие глаза. – Но знаешь, ты держись пока там, в сторонке, а то меня что-то качает сегодня. – И снова отвернулась, слушая, что говорит нам с режиссером Маргита.

– Манеж нам дают в двенадцать десять, – объясняла она тем временем. – Рудик с Колей скоро подойдут, у них там с механикой что-то, уронили, что ли. Но зато вы сможете снять, как все устанавливается, а потом уже и сам номер.

– Прекрасно! – Галина Сергеевна даром времени терять не любила. – Лера, ты иди, посмотри, что там у них, может, им помощь какая нужна, разберись. Если что, Костю позовешь. Ирина, вы разговаривайте пока, а Павлик поснимает, просто лица. И не только их, – она уже обернулась к оператору, – вообще немножко дневной работы взять. А потом дашь медленную панораму, от занавеса и потихонечку-потихонечку вверх, под купол, в самый центр. И там зафиксируй.

– А о чем нам разговаривать? – спросила младшая Маранелли.

– Вообще-то нам надо готовиться к передаче, – улыбнулась я.

Камилла была заметно моложе и симпатичнее старшей сестры, хотя черты ее и нельзя было назвать безупречными. Немного кукольное, с заостренным подбородком личико, с выражением хитрой лисички, было настолько по-детски непосредственным, что вызывало умиление даже у меня. Маргита заметила это и привычно поморщилась. Отношения между сестрами явно были далеки от идеальных.

– Мы привыкли выступать перед публикой, – напомнила она.

– Это очень хорошо. Но вам ведь придется отвечать на вопросы зрителей.

То, что сестры Маранелли привыкли к публике, здорово облегчит жизнь мне. Уже сколько раз я наблюдала, как приглашенная героиня, прекрасный собеседник, умница, великолепно держится, ну, кажется, не передача будет, а сплошной восторг... Но едва войдет в студию, увидит людей, которые на нее таращатся, как на чудо-юдо заморское, и все, нет человека. Одна оболочка, как от воздушного шарика. И тащу я эту оболочку через всю передачу,

сама вопросы задаю, сама отвечаю, а героиня моя только блеет – ни да, ни нет толкового не добьешься!

– А если я не захочу отвечать на какой-то вопрос? Если вопрос будет глупым или неприличным? – поинтересовалась Маргита.

– Ну-у, тут разные варианты... Например, вы можете мило улыбнуться и промолчать. А я тут же перехвачу инициативу: «Очень интересный вопрос, но сейчас у нас рекламная пауза!» А после рекламы разговор пойдет уже о чем-нибудь другом. Главное, я должна знать, какие вопросы для вас нежелательны.

Маргита напряглась, а Камилла, наоборот, захихикала. Судя по всему, для нее, в отличие от старшей сестры, нежелательных вопросов не существовало вовсе.

– А какие вопросы задают обычно?

– Обязательно спросят, сколько вы зарабатываете. Как вы представляете себе женское счастье и счастливы ли вы. Как вы относитесь к Высоцкому. Могут спросить про свободное время, как проводите. Увлечения... Что читаете, какие фильмы смотрите. Где родились, где учились, много ли ездили по свету. Кем были ваши родители. Это, конечно, примерный список.

– По-моему, ничего страшного, а, Милочка? – Маргита повернулась к сестре. – Вопросы как вопросы.

– Нормально, – согласилась та. – Где ответим, где соврем... кто будет проверять, какие книжки я читаю?

– Комиксы! – Маргита подмигнула мне. – Она читает исключительно комиксы!

– Ну и что? – Камилла сделала забавную гримаску. – А всем скажу, что читаю Достоевского. И все подумают, что я умная!

– А почему именно Достоевского?

– Так все говорят, что читают Достоевского, вы разве не замечали? Просто суперпопулярность! А я думаю, врут. Вот вы сами его читали? По собственному желанию, а не по школьной программе?

– Вообще-то было дело, давно, правда, – осторожно ответила я. – Честно говоря, не могу сказать, что он мой самый любимый писатель... но давайте о литературе как-нибудь в другой раз, а сейчас вернемся к нашей теме. Естественно, вас будут спрашивать о вещах, связанных с вашей профессией. Мне, например, очень интересно: Маранелли – это действительно ваша фамилия?

– Нет, конечно, – расхохоталась Маргита. Краем глаза я заметила, как Галина Сергеевна указала на нее Павлику и оператор развернул камеру в ее сторону. Я кивнула. Правильно, смеющаяся Маргита сразу удивительно похорошела. – Мироновы мы, я и Рудик. Милочка с Колей и вовсе Сабанеевы. А Маранелли – это так, псевдоним, дань цирковым традициям.

– А под своей фамилией выступать никогда не хотелось?

– Да мы как-то не задумывались над этим... Мила, ты что скажешь?

Камилла дернула плечиком:

– А какая разница? Знакомым все равно, они и так нас знают; незнакомым тем более все равно. Зато фамилия Маранелли на афише смотрится эффектнее. Особенно самыми крупными буквами.

– А знакомые, это кто?

– Да в основном цирковые. – Маргита улыбнулась. – При нашем образе жизни заводить знакомства в других кругах довольно сложно.

– Пожалуй, – согласилась я. – А люди в цирке, они какие? Есть ведь, наверное, что-то особенное, какая-то общая черта?

– А как же! – восторгалась Камилла. – Цирковые – это удивительный народ! Вы не поверите, если я скажу, что мы все как одна семья, но это так! Мы всю жизнь в цирке, и ни от кого ничего, кроме добра!

– Что вы говорите? – я действительно не поверила. – И ни интриг, ни зависти, ни козней? Творческие же люди?

– О чем вы, какие козни! Помощь, взаимовыручка, поддержка...

Маргита обняла сестру правой рукой за плечо и притянула к себе, а левой – зажала ей рот. Камилла выразительно хлопала глазами, но вырваться не пыталась. Очевидно, такой способ заставить ее замолчать был давно отработан и привычен.

– Разные люди, как везде, – спокойно сказала Маргита. – И интриги есть, и зависть, и прочие неприятные вещи. Не потому, что творческие люди, а потому, что живые.

– Хорошо сказано, – искренне похвалила я. – Теперь про ваш номер, как он вообще появился?

Старшая сестра выпустила Камиллу, поправила ей смявшийся воротничок:

– Это Рудик должен рассказывать, весь номер он придумал. Ну, Коля ему, конечно, помогал, они уже тогда вместе работали...

– Без моего Коли Рудик никогда бы номер не сделал, он сам говорил, – с детской гордостью перебила сестру Камилла.

– Да, разумеется, – слегка раздраженно подтвердила Маргита. – Мила, да успокойся ты, никто не собирается умалять Колиных заслуг, и то, что он один из лучших, тоже всем известно.

– Но и напомнить лишний раз не вредно, – очаровательная улыбка осветила кукольное личико.

– Хорошо. – Старшая сестра на секунду закусила губу, хмуро посмотрела на меня. – В общем, подготовили они техническую часть, просчитали все, там довольно сложные расчеты, и стали искать ассистентку. Только одну, сначала ведь планировалось, что Коля тоже будет на арене. Ну а нашли нас. Мы тогда с родителями ездили – акробаты на першах, номер под руководством Забелли, крутились там на подхвате. Ассистентку, естественно, Рудик искал, Коля даже не собирался в это дело влезать. В общем, конечно, забавно получилось... Пока Рудик выбирал, там, кроме меня, еще несколько девочек пробовались, Коля совершенно случайно с Милочкой познакомился.

– Это была любовь с первого взгляда!

– Вот-вот. Мы с Рудиком уже договор подписываем, а тут прилетает Коля и требует, чтобы в номер взяли Милочку!

– Марго меня чуть не убила в тот раз! – с удовольствием сообщила мне Камилла. Судя по взгляду, брошенному на нее сестрой, тот раз был, очевидно, не первым и далеко не последним.

– Потом мы разобрались, конечно, – продолжила Маргита, пропуская подробности, – и в результате Коля отказался от работы на манеже, а вместо него вышла вторая ассистентка.

– И между прочим, номер от этого только выиграл. Коленька мой, конечно, талант, но талант технический. На манеже он держаться не умеет совершенно!

– А как вы распределяете обязанности? Они у вас жестко закреплены, или вы меняетесь? Кого приковывают цепями, а кто связывает фокусника?

Сестры переглянулись и очень похоже фыркнули. Я покосилась на Павлика – ага, умничка, снимает.

– На спичках тянем, – любезно пояснила Камилла. – Сегодня мне к столбу. А вот, кстати, и он, – поймала она мой недоумевающий взгляд и указала пальцем мне за спину, в сторону арены. – Столб, я имею в виду.

Я обернулась. Ни акробатов, ни силача на манеже уже не было. Молоденький униформист тащил квадратную, метр на метр, металлическую платформу на колесиках, в центре которой торчала высокая, не меньше двух с половиной метров, труба – именно ее Камилла называла столбом. Галина Сергеевна ткнула было Павлика в плечо, но он уже сам развернул камеру в сторону арены. К трубе... нет, пожалуй, лучше к столбу, мне тоже так больше нравится, на

высоте примерно метра была приклепана массивная цепь. Все это сооружение, кроме цепи, естественно, было разрисовано сложным геометрическим узором.

– Пора, – сказала Маргита, – сейчас нам выходить.

– Оревуар! – жеманно пропела Камилла и послала мне, за отсутствием других заинтересованных зрителей, воздушный поцелуй.

Маргита строго взглянула на нее и, взяв за руку, повела за собой. А я продолжала наблюдать за униформистом. Найдя на арене какую-то, ему одному видную метку, он отцепил железную ручку, за которую тянул, засунул ее в специальный паз, имеющийся в платформе, и, слегка покрутив на месте и выправив колесики, наконец установил это довольно массивное сооружение. Потом отряхнул руки, не удовлетвовавшись этим, вытер их о брюки и убежал. Почти сразу на арену выпорхнули Маргита и Камилла.

Все-таки это колдовство, не иначе! Только что, и трех минут не прошло, как я разговаривала с ними, – ничего особенного, женщины как женщины. Сходство, конечно, сразу заметно: сестры, но лица разные, ни за что не перепутаешь. А сейчас передо мной с потрясающей грацией двигались две феи необыкновенной красоты и похожие как две капли воды. Они обежали арену, двигаясь одна – против, а другая – по часовой стрелке, с легкостью бабочек делая головокружительные пируэты, и застыли в изящных позах, указывая в сторону выхода на манеж. Оттуда, приветствуя воображаемую публику с высоко поднятыми руками, появился сам маэстро Рудольф Маранелли.

Мы уже видели этот номер вчера вечером, когда приходили для предварительного разговора. И, надо сказать, вчера, при полном зале, в свете прожекторов, под грохот оркестра, все это смотрелось гораздо более эффектно. Я с сомнением оглянулась на Галину Сергеевну:

– Жиденько все как-то...

– Нормально, – отмахнулась она. – Выразительность можно будет вечером поднять. Если понадобится... Павлик, личико возьми крупно...

А номер действительно был эффектным. Вчера, по крайней мере, он не только на меня, на всех зрителей произвел впечатление. Смысл его был в том, что Рудольф Маранелли одну из ассистенток приковывал к столбу той самой железной цепью, бросал у ее ног несколько горстей какого-то горючего порошка – черного пороха, как объяснил мне Николай, – потом сыпал его через всю арену, делая длинную, извилистую дорожку. После этого вторая ассистентка с милой улыбкой надевала на него наручники, и маэстро добровольно залезал в мешок, который ассистентка все с той же улыбкой завязывала. Упаковав иллюзиониста, она, пританцовывая, бежала к началу пороховой дорожки и поджигала ее. Пока порох горел, Маранелли должен был снять с себя наручники, развязать мешок, вылезти наружу и успеть освободить прикованную к столбу первую ассистентку. Вторая все это время металась по арене под барабанную дробь и очень изящно заламывала руки. Вчера Маранелли успел в последний момент, половина зрителей в цирке сидела держась за сердце, пока он возился с цепью. Впрочем, Маргита же говорила, что номер рассчитан очень точно, до секунды. Вот в последнюю секунду ассистентка и спрыгнула с платформы, прямо в его объятия. И тут же вспыхнул небольшим костром рассыпанный на платформе порох, сработала заложенная заранее петарда, через полый столб под купол цирка полетели ракеты, и номер закончился небольшим фейерверком. Очень красиво.

Кто из сестер был у столба вчера, я не смогла определить, но раз сегодня там Камилла, значит, это Маргита сейчас завязывает мешок. А вот и Николай Маранелли, он же Сабанеев, сидит со скучающим видом в сторонке, на арену даже не смотрит, разглядывает свои ногти. Маргита кончила возиться с мешком, крутанулась на цыпочках, легко подбежала к началу горючей дорожки, показала зрителям огонек зажигалки. Хотя я все это уже видела вчера, снова затаила дыхание. Вот она балетным движением опускается на одно колено, плавно подносит огонь, порошок вспыхивает...

Честно, не могу сказать, в какой момент я поняла – что-то не так. Точнее говоря, все произошло настолько быстро, что я вообще ничего не успела понять. Только что Маргита подожгла порох, побежал веселый огонек, разбрасывая искры во все стороны, – вроде вчера он был не такой яркий? И почему так долго возится Маранелли, половина дорожки выгорела, а он все еще в мешке? Завизжала, забилась в цепях Камилла, не сводя глаз с приближающегося огня, выскочил на арену Николай, начал затапывать, расшвыривать порошок, но огонек с легкостью перескакивал через его башмаки и продвигался все дальше. Замер на секунду наполовину высунувшийся из мешка Рудольф, рванулся, забыв вылезти до конца, и рухнул, покатился по арене, но тоже в сторону платформы. Маргита судорожно дергала цепи, Николай бросился к ней помогать, вот уже одна рука Камиллы свободна, но огонь у самой платформы, у ее ног, порох вспыхивает...

А потом грохнуло. Грохнуло так, что... нет, я не знаю, с чем это сравнить. Раскат грома? Может быть, но только если ты в центре той самой тучи, из которой ударила молния. Во все стороны полетели осколки железа. Секунда мертвой тишины и страшный крик. Нет, никаких связанных воспоминаний у меня не осталось. Помню белые от ужаса глаза Леры, Галина Сергеевна медленно оседает на пол, судорожно нащаривая что-то в сумочке. Павлик прильнул к видеокамере, мимо бегут какие-то люди. И я слепо тычусь в чью-то широкую грудь, пытаюсь пройти туда, на арену, а меня отпихивают, мягко разворачивают, и голос Кости Шилова невнятно бормочет над моей головой:

– Не надо, Ирина, не смотри, не надо тебе туда, там страшно...

Там действительно было страшно. Взрыв разнес Камиллу на куски. Николая и Маргиту отшвырнуло в сторону – у него была сломана рука, а ее зацепило по боку осколком какой-то железяки, розовый в блестках костюм был разорван и залит кровью, синтетическая юбочка оплавлена. Моментально набежало множество людей, среди них медработники. Я еще не начала даже воспринимать адекватно действительность, а Маргита уже была перевязана и люди в белых халатах хлопотали над Николаем, накладывая ему что-то вроде временной шины.

Рудольф физически не пострадал, но был в шоке. Он все-таки освободился от мешка, но продолжал сидеть на манеже, схватившись за голову.

Я наконец поняла, что на арену Костя меня не пустит, впрочем, мне и отсюда было видно больше, чем хотелось бы. Он усадил меня на ступеньку, рядом с Галиной Сергеевной, с другой стороны к ней прижалась дрожащая Лера. Почему-то никому из нас не пришло в голову подняться и сесть в кресло.

Галина Сергеевна, до синевы бледная, ковыряла ногтем крышку трубочки с нитроглицерином и никак не могла открыть. Костя отобрал у нее лекарство, спросил:

– Одну, две таблетки?

– Д-д-ве-е, – голос у нее дрожал.

Костя достал крохотные таблеточки, положил ей в ладонь. Посмотрел внимательно на нас с Лерой, убедился, что нам сердечный приступ не грозит, закрыл трубочку и вернул Галине Сергеевне.

На арене снова поднялся крик. Я посмотрела в ту сторону. Николай рвался из рук медиков, все еще возившихся с его рукой, пытаюсь добраться до Рудольфа, сидящего на арене, и орал:

– Ты! Это ты, убийца! Какого черта ты не вылезал из мешка? Как ты мог... Милочку! Я знаю, это ты!

– Заткнись, идиот! – Рудольф наконец встал на ноги, его элегантный черный фрак был весь испачкан. – Зачем мне ее убивать? И как, по-твоему, я мог это сделать?

– Не знаю! Но ты ее всегда ненавидел! Это ты ее убил!

Один врач продолжал удерживать Николая, второй торопливо сорвал упаковку с одноразового шприца, начал набирать какое-то лекарство.

– Да? А может быть, ты? – рявкнул Рудольф. – Ты ведь у нас специалист по взрывам! Что ты подложил, гранату?

– Как ты смеешь! – сорвался на визг Коля. – Чтобы я... Милочку! Да я ее...

Несколько добровольцев пытались успокоить их, растащить в стороны, но бесполезно, они никого не замечали вокруг.

– Да, именно ты и именно ее! Твоя Милочка спала с половиной цирка, и ты это прекрасно знал! Вот и не выдержал!

– А с тобой спать отказалась! Я все знаю, она мне рассказывала! И ты ей не простил!

– Врала она, как...

– Прекратите!

Как ни странно, после этого выкрика Маргиты наступила тишина. Потом бледный встре-
панный Коля затрясся и прошипел, глядя прямо на нее:

– Ты тоже всегда ее ненавидела, ты завидовала ей, всегда! Ты тоже могла ее убить...

Врач наконец изловчился сделать ему укол. Коля сразу ослабел, обмяк и позволил увести себя.

Я, очевидно, начала приходить в себя, потому что вспомнила про Павлика. А он, оказывается, все еще продолжал снимать. Да уж, в передаче эту пленку не покажешь, зато для милиции будет просто подарок – никакие свидетели не нужны, все зафиксировано...

– А что, там действительно была граната? – услышала я голосок Леры. Она спрашивала у Кости.

– Нет. Граната от этого не взорвалась бы. – Он посмотрел на нее и пояснил: – Там чеку надо выдернуть.

– А что же это было?

– Мало ли. – Костя пожал плечами.

Появилась милиция, сразу очень много людей, в форме и в штатском. Они очень быстро рассортировали присутствующих, выгнав тех, кто прибежал только после взрыва, даже начальство попросили временно удалиться с места преступления. Павлик вернулся к нам, чуть было не сел рядом на ступеньку, но в последний момент рухнул в кресло. Почти сразу за ним подошел человек в штатском, невысокий, плотный, с невыразительным бледным лицом.

– Майор Бердников, – представился он, быстро оглядев всю нашу компанию и слегка задержав взгляд на Косте. – Вы с телевидения? Кто старший группы?

– Я. – Мне удалось подняться на ноги с первого раза, хотя колени немного дрожали. – Ирина Анатольевна Лебедева.

– Угу. – К числу поклонников передачи «Женское счастье» майор Бердников явно не относился. – Сняли здесь что-нибудь?

– Все сняли. Павлик, отдай кассету.

– С возвратом. – Оператор вытащил кассету и протянул ее майору.

– И задокументировать, – слабым голосом потребовала Галина Сергеевна.

– Разумеется, – кивнул Бердников.

Он вытащил из кармана большой блокнот, написал расписку, вырвал листок и неопределенно протянул его вперед, кто первый возьмет. Павлик, конечно же, не пошевелился, расписку взяла Галина Сергеевна и спрятала в сумочку.

– Оставайтесь пока здесь, – приказал майор, – сейчас запишут ваши показания.

Он снова посмотрел на Шилова и отошел, коротким кивком пригласив его следовать за собой.

– Ирина Анатольевна, ничего, если я отойду?

– Да ладно тебе, Костя, – махнула я рукой. – Мы уже вроде на «ты» перешли. Иди, конечно.

– Угу. – Он еще секунду потоптался около нас. – Я тут рядом буду, если что...

«Ха, мне нравится это «если что»! Что уж еще может случиться, я просто не представляю!»

– Вот что творят с людьми экстремальные ситуации, – сказала Лера, поднимаясь. – Но вы не рассчитывайте, Ирина, я ни с вами на «ты» не перейду, ни с Галиной Сергеевной. Во время рабочего процесса соблюдать субординацию необходимо, иначе результат...

– Лера, радость моя, заткнись, а?

– Ладно. – Она вздохнула и пояснила: – Это у меня нервное.

Вдвоем мы помогли встать Галине Сергеевне и устроились в креслах, рядышком с Павликом. Как-то хотелось быть поближе друг к другу.

А Шилов на удивление естественно вписался в группу людей, столпившихся на арене у покореженной металлической площадки. Они разглядывали остатки пороха, собирали и изучали осколки, валяющиеся по всему манежу, о чем-то явно высокопрофессионально рассуждали. Мы наблюдали за их действиями, пока к нам не подошли двое пареньков в форме, чтобы официально «снять показания с очевидцев происшествия».

Глава 2

Когда мы наконец вернулись на студию, Шилов, вопреки обыкновению, поднялся с нами. Зашел в кабинет последним, сразу же направился к Павлику, успевшему занять кресло, легко поднял его за шиворот, вежливо предложил:

– Садитесь, Галина Сергеевна.

– Спасибо. Костя, ты достань там... – она махнула рукой в сторону узкого шкафа, приулюлившись в углу. – Надо к шефу сходить, доложиться, – сказала я, отчетливо сознавая, что никакая сила на свете не сможет поднять меня сейчас со стула, на который я только что плюхнулась.

– Сиди, – успокоила меня Галина Сергеевна. – Я отдышусь немного и сама схожу.

Костя тем временем открыл дверцу шкафчика, взял в руки початую бутылку коньяка, одобрительно кивнул. И вовсе мы никогда не пьянствуем на рабочем месте! Просто после передачи принимаем по капельке, чтобы снять напряжение. Нам этой бутылки, между прочим, на два месяца хватает.

– То, что надо. Посуда у вас где?

– А там же, стопочки стоят.

Шилов, подняв брови, поглядел на тридцатиграммовые наперсточки и вздохнул:

– Кружки доставайте. Чай-то вы пьете из чего-нибудь?

Мы засуетились, доставая из столов завернутые в целлофановые пакеты – последнее время нас замучили тараканы – кружки. Костя непостижимым образом умудрился отмерить абсолютно одинаковые порции в нашу разнокалиберную посуду и скомандовал:

– А теперь залпом, как лекарство.

Первой, на удивление послушно, выпила Лера. А сам он даже не понюхал. Не могу сказать, что коньяк сильно помог, но все-таки стало немного легче. По крайней мере мы уже в состоянии были разговаривать. А Шилов, выполнив все, что считал необходимым, привычно стушевался. Поскольку в кабинете было только три стула и кресло, сесть ему было негде. Лера приподнялась было, предлагая сбегать, взять стул у соседей, но он отказался. Отошел к окну, присел на подоконник, задумался о чем-то, опустив голову. Сидел, нахохлившись, очень похожий на большую печальную птицу марабу.

– Не знаю, как вам, а мне кажется, что гранату подложил этот безутешный супруг, Николай, – неожиданно сказал Павлик.

– Костя говорит, что это не граната была, – поправила его Лера.

– Ну бомба, какая разница? Кстати, Костя, ты же около ментов терся, что рвануло-то?

– А? – Шилов очнулся от своих мыслей. – Предварительное предположение – динамит. А там что эксперты скажут.

– А ты как думаешь? – Лера всем своим видом выражала полное и непоколебимое доверие к Костиному мнению.

– Похоже, – он пожал плечами.

– Разве сейчас динамит бывает? – удивилась Галина Сергеевна. – Я думала, это только в те времена, – она неопределенно покрутила в воздухе рукой, – ну, там, Первая мировая...

– Почему? Во всяких горнодобывающих делах его наверняка до сих пор используют, это ж дешево и сердито, – заспорил Павлик. – И потом, я сколько раз слышал, что браконьеры им рыбу глушат. Костя, скажи, если очень постараться, можно на базаре динамит купить?

Шилов на секунду остановил на нем хмурый взгляд, потом неохотно сказал:

– Купить все можно...

– Ну вот! Он, Николай, я имею в виду, специалист, вся техническая часть на нем. Мотив – ревность – лучше не бывает! Кто ему мог помешать подложить динамита сколько нужно?

– Зачем же тогда он пытался огонь погасить? – спросила я.

– Притворялся! Хотел бы, так погасил!

– Знаете, я бы тоже на него подумала, – негромко сказала Лера, – но, если он знал, что сейчас динамит рванет, зачем же до последней секунды ее освободить пытался. Руку сломал, а могло ведь и покрепче приложить.

– А это мог быть как раз тот самый тонкий расчет, в которых Николай силен. Если верить тому, что нам о его талантах говорили, конечно. – Не то чтобы убежденность Павлика на меня подействовала, просто я хотела тщательно проработать все возможные версии. – Знал, сколько там динамита, знал время взрыва, следовательно, знал, где встать, и мог быть уверен, что в сравнительной безопасности, в смысле его-то до смерти не убьет. А руку сломал, это пустяки, зато видишь, ты его уже и не подозреваешь! Костя, можно все это рассчитать? Направление взрыва, силу, ударную волну?

– Можно, – коротко кивнул Шилов.

– Но он первый обвинил Рудольфа... – в голосе Галины Сергеевны было сомнение.

– Вот именно! А кто громче всех кричал: «Держи вора!», помните, а? – ехидно прищурился Павлик.

– Ну и что? Зато у Рудольфа и мотив был не хуже, и он дальше всех от взрыва оказался. – Теперь я рассматривала другую версию. – Потом, чего он действительно так долго в мешке сидел? Я вчера видела, он прекрасно успел выбраться и цепи размотать.

– Мне показалось, что сегодня эта штука, что там у них, порох, что ли? Так вот, мне показалось, что сегодня она как-то быстрее горела. И ярче, – сказала Галина Сергеевна.

– Намного ярче, – подтвердила Лера, – прямо как бенгальский огонь.

– Значит, Николай и порох подменил, – Павлик был тверд в своем мнении. – Опять-таки, кому удобнее всего это сделать?

– Да кому угодно. – Лера старалась быть справедливой. – И Рудольф мог мешочек подменить, и Маргита. И вообще любой человек из цирка. Я же видела, у них ящики с реквизитом не запираются.

– А специальные знания? Откуда постороннему человеку знать, что туда насыпать?

– Всегда можно с кем-нибудь посоветоваться.

– Конечно! Так и вижу, как та же Маргита хватается за рукав встречных: «Я тут задумала сестренку подвзорвать, не подскажете, как мне это лучше сделать?»

– Не передергивай, Павлик, – вмешалась я. – Лера права, при желании всегда можно найти специалиста, который и объяснит все, и динамит продаст, и порох этот... Кстати, Костя, а это не мог быть в самом деле бенгальский огонь?

– Как это? – Ошеломленный Шилов качнулся на подоконнике.

– Например, кто-то купил много-много бенгальских огней, счистил с них эту горючую штучку, размолотил и насыпал в мешочек вместо того, которым Маранелли пользовались. Тем более Лера говорит, что ящики не запираются.

– Много-много? – уточнил Костя и, не сдержавшись, ухмыльнулся. – Нет, все равно сомнительно.

– А вот я думаю... – начала Галина Сергеевна и замолчала.

Все уставились на нее.

– Я думаю о некоторых совпадениях. Лера, где Маранелли гастролировали до приезда в Тарасов?

– Э-э, в Японии, кажется.

– Вот именно, в Японии. – Галина Сергеевна сделала многозначительную паузу. – И что из этого может следовать?

– Что? – послушно спросила я.

– Это работа японской разведки!

– Мамочка моя! – пискнула Лера.

– Они завербовали Камиллу, а потом, когда она стала для них опасным свидетелем, убрали ее!

– Свидетелем чего? – скептически поинтересовался Павлик.

– Откуда я знаю? Может, она знала в лицо их японского шпиона в цирке?

– А что делать японскому шпиону в цирке? И вообще там никаких японцев не было...

– Ты точно знаешь? У тебя есть проверенные данные?

– Нет, конечно, откуда... – смешался Павлик. – Но лица-то вокруг были совсем на японские не похожи... – Ну и что, что не похожи? Классику надо знать, молодые люди. Рассказ Куприна «Штабс-капитан Рыбников» читал кто-нибудь?

Лера с Павликом переглянулись и уставились на меня. Костя, про которого все забыли, смотрел на нашу компанию с веселым изумлением.

– Ну, я читала, – пришлось мне признаться, иначе что Галина Сергеевна будет думать о нашем поколении? – Хороший рассказ. Только там про цирк ни полсловечка...

– Ирочка, да при чем здесь цирк! Я о методах японской разведки говорю. Ах, как же я это все раньше не сообразила? Надо было этому мальчику, который показания записывал, рассказать!

– Так, Галина Сергеевна, все! – У меня внезапно разболелась голова. – Версия первая: взрыв – дело рук японской разведки. Мотивы, причины, способ исполнения абсолютно не понятны. Версия вторая – одуревший от ревности Сабанеев...

– Сабанеев, это кто? – перебил меня Павлик.

– Да Николай же! Ты что, думал, его фамилия и правда Маранелли? Значит, Сабанеев собственными руками взрывает жену. Мотив, возможности, все присутствует, без вопросов. Версия третья, маэстро Рудольф. Есть обвинения Сабанеева, следовательно, можно считать, что есть и мотив. При тех же, в общем-то, возможностях. Маргита – те же обвинения, мотив и возможности. Хотя мысль, что она взорвала собственную сестру... Не верится как-то. Да, и всегда есть какой-то неучтенный фактор.

– Незвестный враг? – с любопытством спросила Лера.

– Что-то вроде этого. Тут, конечно, сложнее...

– Ирина, а зачем нам это вообще надо?

– Что именно?

– Ну вот, мы сидим, версии разные разбираем, а зачем? – Лера смотрела прямо на меня своими серыми глазищами. – Мы что, вместо милиции будем преступников ловить? Разве это наше дело?

– Нет, конечно. Просто... а почему, собственно, не наше? Это же какое свинство, героев передачи взрывать! Кто же к нам тогда пойдет? Нет, я считаю, что мы просто обязаны что-то предпринять. Пусть не настоящее расследование, но...

– О, вот оно, ключевое слово! – поднял указательный палец вверх Павлик. – Ирина, ты опять за свое.

– Вообще-то я не имела в виду... – смутилась я. – По крайней мере, сознательно...

– Ну да, понятно, оговорка по Фрейду.

Дело в том, что уже больше года я приставала к шефу с проектом «Журналистского расследования с Ириной Лебедевой». И необязательно было даже лезть в крутой криминал, в нашей обыденной жизни хватает ситуаций для подобной передачи. Но шеф крутил носом, ворчал, что от такой программы ничего, кроме неприятностей, не будет, что «Женское счастье» – это даже не синица, а курица, несущая золотые яйца, в руках – рекламодатели в очереди стоят и цену времени не спрашивают, так что он, по своей должности, просто обязан запретить мне маяться дурью и гоняться за совершенно непредсказуемыми журавлями. «И чего тебе, Лебедева, не сидится, – морщился он. – Рейтинг имеешь такой, что зашкаливает, популярность, как

у Пугачевой с Киркоровым, только в губернском масштабе! Главное, специфика программы – ее ведь можно еще лет тридцать вести, ничего не меняя, и все равно зритель, как приклеенный, перед экраном сидеть будет...» А от моих попыток объяснить про встающие дыбом волосы от одной только мысли, что мне до пенсии ничего, кроме «Женского счастья», не светит, отмахивался, как от обыкновенной бабьей блажи.

– Фрейд Фрейдом, а Ирина, я считаю, права, – неожиданно поддержала меня Галина Сергеевна. – Тем более что мы присутствовали при взрыве. Просто грех не попробовать разобратся. Не забывайте, что у милиции, кроме этого, еще миллион дел, нам проще...

– А что же мы в пятницу делать будем? – ахнула Лера. – С Маранелли теперь ничего не организуешь...

– Придется повтор ставить, – сказала я. – Помните передачу в начале года, ту даму с кошками? Она тогда имела бешеный успех.

– А шеф что скажет?

– А что он может сказать? Он Камиллу не воскресит, даже приказом по ГТРК. А за три дня мы другую программу никак подготовить не успеем.

– С Женей я договарюсь, – махнула рукой Галина Сергеевна. Ну да, разумеется, кому шеф, а кому Женя. Они и начинали на студии вместе, лет тридцать назад. – А потом, из того, что мы сейчас наработаем, можно будет очень неплохую программу соорудить, скажем, «памяти цирковой артистки». Наши записи, фотографии, воспоминания друзей... Но времени у нас только до пятницы, а потом надо будет «Женским счастьем» заниматься. Второй повтор Женя ни за что не позволит.

– Только, чур, с японской разведкой не связываемся, – предупредила Лера. – Я их боюсь.

– Ладно, я, в общем-то, и не настаиваю, – не стала спорить Галина Сергеевна. – Это я так, как одну из рабочих версий выдвинула.

– Тогда возвращаемся к Николаю как к самому подозрительному. – Я потеряла виски. Голова разболевалась все сильнее. – Надо последить за ним потихоньку, разузнать, что люди говорят про него, про семейную жизнь. Про Рудольфа с Маргитой тоже забывать не следует, они хоть и в меньшей степени, но тоже на подозрении...

– Все-таки я не очень верю, что это Николай, – покачала головой Лера. – Уж очень все ловко против него складывается, со всех сторон он самый подозрительный. В кино такие никогда виновными не бывают.

– Так то в кино, – просветил режиссера Павлик. – А в жизни очень часто самый подозрительный и оказывается преступником.

– Слушайте, – ахнула я, – а может, это вообще была ошибка?

Все уставились на меня.

– В каком смысле ошибка? – уточнила Галина Сергеевна. – Ошиблись и вместо простой петарды для фейерверка подложили динамит?

– Да нет! То, что взорвали именно Камиллу, это ошибка! Я вчера у них спрашивала, как они решают с Маргитой, кому поджигать порох и по арене бегать, а кому в цепях стоять. И Камилла сказала, что они на спичках тянут! Значит, тот, кто подкладывал динамит, не знал точно, какую из ассистенток взорвет!

– Тогда это вообще совсем другая постановка вопроса, – рассудительно заметил Павлик. – При чем тогда здесь ошибка? Если преступнику все равно было, какая из женщин погибнет, значит, взрыв был направлен... получается, против Рудольфа Маранелли.

– Н-да, в такой ситуации он теряет больше всех. Номер-то наверняка закроют. И неизвестно, как у него вообще в дальнейшем с работой сложится.

Мы еще часа два сидели, обсуждая, прикидывая и составляя планы. Потом нас разогнала уборщица, сообщившая, что рабочий день давно закончился и что она была бы очень благодарна, если бы мы освободили помещение и не мешали ей заниматься делом.

Дома меня ждал страшно возбужденный Володя. Он дежурил на балконе и, едва я показалась у подъезда, кинулся навстречу. Я не успела подняться по лестнице, как он уже налетел на меня:

– Иришка, ты цела? С тобой все в порядке? Господи, как же ты, бедная, напугалась, наверное! Я не понял, что там взорвалось, у них что, технику безопасности совсем не соблюдают?

Невнятные выкрики сопровождались осмотром, ощупыванием, похлопыванием и прочей проверкой моего состояния.

– Откуда ты... да не дергай ты так за руку, оторвешь! Откуда ты про взрыв узнал?

– Так в «Новостях» сказали, целый сюжет был. Даже кусочек пленки с записью показали, это ваша, что ли? Иринка, я чуть не помер со страху за это время! Сказали, что артистка погибла и еще два человека пострадали, а фамилии не назвали. Тебя нет, звоню на студию – трубку не берут! Звоню Галине Сергеевне домой, ее тоже нет! Я не стал их пугать... На проходную звоню, там говорят – машина со съемок вернулась, это точно, а про тебя никто ничего сказать не может...

– Володечка, милый, прости! – Я встала на цыпочки, поцеловала его. Мне действительно было стыдно: я себе иду потихоньку, по парку гуляючи, а муж с ума сходит. – Честно, я просто не подумала про новости. И, главное, непонятно, как у них пленка оказалась, мы ведь свою милиции отдали? Надо будет завтра спросить...

– Да ладно, – он махнул рукой, – главное, что у тебя все в порядке. Ох, Ирочка!

Встревоженный супруг наконец-то убедился, что все конечности у меня на месте и вообще никаких повреждений, ни внешних, ни внутренних нет, и мы двинулись дальше, причем Володька почти нес меня в своих объятиях. Разумеется, на нашем третьем этаже выяснилось, что, выскочив из квартиры, он захлопнул дверь. Хорошо, что у меня в сумочке нашлись ключи.

Глава 3

Идея насчет слежки за Николаем Сабанеевым была, конечно, идиотской, и я это признала первая. Основные правила мы, естественно, знали, кино все смотрят, но специалистов-«топтунов» среди нашей четверки не было. Собравшись на следующий день с утра в кабинете, мы решили глупостями не заниматься, просто покрутиться вокруг подозреваемых. В конце концов, наш интерес был вполне объясним: мы ведь тоже стали участниками событий, хотя и невольными. Поговорить с людьми, послушать, какие сплетни бродят в цирковой среде. Ну а если кто заметит что-нибудь подозрительное, тогда уж... в общем, тогда будем действовать по обстановке.

Лера по собственной инициативе предложила съездить в Министерство культуры. Там у нее работала какая-то подружка, которая могла обеспечить доступ к архивам. Если со собственным Лере усердием да покопаться в документах, кто знает, какие интересные сведения можно найти? Галина Сергеевна, все еще полностью не отказавшаяся от версии с участием японской разведки, горячо поддержала эту мысль.

– Да, Ирина, ты бы слетала к Гурьеву, – вспомнил Павлик, – может, он что-то уже успел разнюхать? Вчера, говорят, в «Криминале» был сюжет про цирк.

– Не в «Криминале», а в «Новостях», – ответила я, поднимаясь из-за стола. – Они из твоей пленки кусок показали. Володька видел, испереживался весь, пока я вернулась.

– В «Криминале» я видела. – Лера жила совсем рядом со студией. – Но блок шел сразу за «Новостями», поэтому ваш муж и перепутал. Вот только интересно, где Гурьев пленку взял?

– Да, очень даже интересно, – я вышла из-за стола. – Только его все равно никогда с утра на месте не застанешь.

Валера Гурьев – репортер, уже лет пятнадцать ведет у нас «Криминальную хронику». За это время он перезнакомился практически со всеми милицейскими начальниками. Про кого у него ни спросишь, он отвечает: «Как же, как сейчас помню, пили мы с ним водку в одна тысяча девятьсот...» Кроме того, в юности он занимался карате и сохранил с тех пор массу полезных знакомств. Сам Гурьев в этом суровом спорте никаких особенных успехов не достиг, с настоящим профессионалом ему не справиться, но в вульгарной драке, несмотря на довольно subtilный вид, запросто сможет отмахаться от троих. Лично я, правда, ничего подобного не наблюдала, но очевидцы рассказывали. А поскольку у Валеры связи как в милицейских кругах, так и в криминальном мире, то и информация у него всегда самая свежая и достоверная. Одним словом, с таким человеком в создавшейся ситуации просто необходимо дружить.

Впрочем, мы с Валерой независимо от ситуаций в прекрасных отношениях. Единственное, что вызывало в свое время некоторую напряженность между нами, это его упорное желание сманить к себе Павлика, которого он искренне считал самым лучшим оператором на студии. Но Павлик отказался самым решительным образом, Гурьев смирился с его решением и теперь повторяет свои заманчивые предложения не чаще чем раз в месяц.

Я прошла в самый конец коридора и заглянула в последний кабинет. Это была крохотная комнатуха, в которой с трудом умещались два стола и жесткий стул для посетителей. За одним столом, заваленным газетами, пустыми и заполненными бланками, фотографиями и прочей макулатурой, сидел корреспондент Саня Смирницкий и что-то с бешеной скоростью строчил, не обращая внимания на открывшуюся дверь. Второй стол, хозяин которого меня и интересовал, был девственно чист. Впрочем, ничего неожиданного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.